

къ самимъ властителямъ, не только не внушаютъ недовольнымъ властью, что власть эта „не есть неприкосновенна,“ а потому не грѣхъ и противиться ей,—какъ это хочетъ Гр. Петровъ на стр. 14-й своей брошюры,—но —по слову апостола—убѣждаютъ всѣхъ повиноваться властямъ не только добрымъ, но и строптивымъ, не только справедливымъ, но и несправедливымъ. Можегъ-ли сравниться что либо въ несправедливости съ распятіемъ Господа Нашего Иисуса Христа?!. Однако и эта величайшая несправедливость, усиливавшаяся постоянными гоненіями на послѣдователей Христа, не сдѣлала апостоловъ сторонниками возстававшихъ противъ власти, совершившей эту несправедливость. А Гр. Петровъ называетъ незаконнымъ сожителствомъ церкви съ самодержавіемъ, когда служители церкви не идутъ вмѣстѣ съ возставшими противъ власти нашего Царя. Наше духовенство не противилось даже тогда, когда при Екатеринѣ II были отобраны церковныя имущества.

Но ограничивая борьбу, власть не можетъ совершенно прекратить ее, пока люди не достигли еще совершенства, къ которому призываетъ насъ Христосъ; пока люди не пришли къ полному единству и сама власть не можетъ не бороться противъ нарушителей мира, на которыхъ и носить мечъ. Не можетъ быть еще полнаго мира, т. е. христіанскихъ отношеній между людьми, пока человѣческій родъ разбитъ на множество государствъ и особыхъ народностей, пока болѣе $\frac{2}{3}$ рода человѣческаго даже не именуется христіанами, и среди послѣднихъ триста милліоновъ магометанъ, которые стремятся всѣхъ обратить въ своихъ единовѣрцевъ, и орудіемъ для этого избрали мечъ, ставшій въ понятіи магометанъ ключемъ къ раю. Какъ при такомъ положеніи и тѣмъ народамъ, которые приняли христіанство, но осуществить его еще не могли,—какъ имъ не защищаться противъ тѣхъ, которые хотятъ лишить ихъ даже имени христіанъ? А чѣмъ они могутъ защищаться противъ оружія, если не оружіемъ-же, и что они противопоставятъ милліоннымъ арміямъ, какъ не такія-же арміи? Когда магометане начали свои завоеванія, когда совершилось монгольское на насъ нашествіе, тогда у христіанъ не было еще регулярныхъ войскъ и милліонныхъ армій, все это явилось лишь въ послѣдствіи и было вызвано, конечно, реальными причинами, а не капризами отдѣльныхъ лицъ хотя-бы и правителей, которые обыкновенно не властны ни надъ собою, ни надъ другими, а если и властны, то власть ихъ весьма и весьма ограничена, и во всякомъ случаѣ не простирается на такія явленія, какъ сознаніе милліонныхъ армій, и на все, съ такими явленіями связанное. И вотъ Гр. Петровъ, не задаваясь и вопросомъ о причинахъ возникновенія милліонныхъ армій, и несомнѣнно зная, что человѣкъ,—и особенно облеченный властью,—очень мало властенъ даже надъ собою*), не говоря уже о другихъ, (ему не могло быть неизвѣстно, не могло быть необдуманно имъ вышеприведеное выраженіе ап. Павла—не дѣлаю добраго, которое хочу, и дѣлаю, злое, котораго не хочу),—Гр. Петровъ раздражается на стр. 4-й такою тирадою: «О христіанствѣ всего чловѣчества странно и говорить. Отношенія народовъ другъ къ другу совер-

*) Есть-ли человѣкъ менѣе свободный, чѣмъ китайскій, напр., императоръ.